

Великая Отечественная Война в моей семье

Работа студента Черкашина А. И.,
мастерская А. В. Галибина, I курс.

Нет семьи в современной России, которую не затронула бы Великая Отечественная Война. Хочу поделиться историей о Бабьем Яре, которую рассказала мне моя мама.

– Мне о войне рассказывала твоя прабабушка, – начала мама, – она забирала меня из школы, и мы часто гуляли, собирали семена душистого табака, которые росли на цветочных клумбах в соседней школе. Я тогда ходила в украинскую школу № 46, где все предметы преподавали на украинском языке, и дома у меня тоже все говорили на украинском. А рядом, через стадион, была русская школа, туда ходил мой одноклассник Феликс, сын дяди Наума – мы были соседи. Дядя Наум всегда шутил, что он единственный еврей Киева, который работает в горячем цеху. Лица бабушки я не помню, но помню её пухленькую руку с маленькими часиками. Я держала ее за руку, и мы шли и разговаривали. Она рассказывала о своем погибшем отце, красном командире, о мачехе, о детях и о войне.

В сентябре 1941 наша бабушка, Андрущенко Прасковья Яковлевна, жила в оккупированном Киеве, у нее было два маленьких сына – Юра и Шура. Была еще доченька Валя, но она умерла до начала войны от воспаления легких. По Киеву ходили страшные слухи, что евреев не вывозят на поселения, а расстреливают в яру, и что по ночам из яра слышен тихий детский плач. Как будто детки, живые, лежат там среди мертвых тел и медленно умирают от холода, голода и жажды. Бабушка и еще несколько сердобольных женщин, решили ночью сходить туда: так жалко было им тех маленьких детей.

Однажды, когда стемнело, они решились и стали продвигаться к яру – где бегом, где ползком. Ночь была темная, по песку в яму было очень тяжело спускаться, но еще тяжелее было ползать по зловонным трупам. Бабушка слышала тихий детский плач, но не могла понять, откуда он доносился. Она стала звать: «Доченька, ты де? Я твоя мама. Сыночек, иди до мене». Так она ползала и звала часа два и среди окровавленных трупов нашла девочку и мальчика. Соседские женщины тоже откопали и забрали по одному ребеночку. Быстро, как только это было возможно на песчаном склоне, они выбрались из ямы. Прижимая к себе детишек, перекрестясь, отправились восвояси. Хорошо, что дети были тихими.

Придя домой, бабушка сразу остригла кудрявые волосы деток, дала попить, потом посадила в корыто и стала отмывать их от крови и грязи. Мальчик был весь в синяках и ссадинах, а у девочки пулей была задета щека. Дети тихо плакали, а бабушка гладила их стриженные головы и говорила: «Тихо, тихо, я ваша мама, Прасковья. Вас зовут Юра и Шура, скоро мы поедем к тете Марусе». Так она причитала всю ночь: и когда

кормила их картошкой в мундире, и когда укладывала спать, постелив старый жупан под кровать.

Это было чудо, что они уцелели после расстрела, и что моя бабушка Паша их нашла. А на кровати посапывали её родные сыновья Юрочка и Шурочка. Думала ли моя бабушка о том, что может случиться с ней и ее детьми, если кто-нибудь узнает, что она скрывает у себя в хате двух еврейских детей. Не знаю... «Так диточок жалко было, живых закопувалы, ироды». Так и зажили впятером. Дети были на удивление тихие и послушные, они пережили расстрел, и это, конечно, заставило их замкнуться в себе.

А когда выпал снег и напряжение на улицах Киева поутихло, бабушка взяла справку, чтобы съездить к сестре, и отвезла их под Киев в село, к своей двоюродной сестре под видом родных племянников Юры и Шуры. Девочка трех лет была рыженькая, а мальчик лет пяти – миндалевидные глазки, темные кучерявые волосы. Это могло выдать их. Бабушка, для отвода глаз, строго настроено наказала, чтобы сестра стригла их наголо, будто у них вши. У сестры Маруси детей не было, муж на фронте, а сама она работала на ферме скотницей в подсобном хозяйстве по снабжению немцев молоком и мясом. Так «Юра» и «Шура» до конца оккупации и прожили у тети Маруси. Бабушка их навещала, привозила гостинцы: кусочек сахара или пряник. Позже из госпиталя привезли Марусиного мужа, контуженого, раненого, за ним требовался серьезный уход, и бабушка забрала деток обратно в Киев. Вскоре долечиваться из госпиталя приехал и наш дедушка Иван Андрианович, раненый, с осколком в ноге.

– А дети, что же? – спросил я маму.

– В Киеве стали формировать детдома, – продолжила мама, – сотрудники собирали детей-сирот и вывозили их в глубокий тыл. Наша бабушка отвезла найдёнышей «Юру» и «Шурочку» в детский дом. Прощались, плакали навзрыд, дети кричали: «Мама! Не уходи мама!». Оставить их было нельзя, сложно. К тому моменту прабабушка уже была беременна моей мамой, твоей бабушкой... Вот так она спасла им жизнь, но как ни рвалось сердце, оставила их в детском доме. Надеюсь, что их судьба сложилась удачно.

Мы немного помолчали, мама стала заниматься домашними делами, а я всё сидел и думал об этой истории, о Великой, страшной войне и о моей семье. Рассказ о спасении двух детей – лишь одна из множества историй нашей семьи в годы войны. Таких, например, как история моего прадеда Александра. Он был замполитом полка, лётчиком, защищал Киев, прошёл всю войну. Мы не можем однозначно говорить о тех или иных событиях, в которых не принимали непосредственного участия. Но мы можем создать монументальное полотно, сложенное из таких вот маленьких историй своих семей. Спасибо ветеранам, за мирное небо над головой, пусть оно остается таким, пусть наши дети не знают войны.